

Удивительно, но оказаться «похищенной» было не так страшно. Возможно, дело в самом «похитителе», который знал каждый уголок в поселении и с радостью таскал меня не только на руках, но и на шее. Последнее брат никогда не делал, ибо был маловат, а отец... собственно, Фугаку я считала кормильцем семьи, а не отцом. Для меня это казалось куда более важным, хотя, работая учителем еще в прошлой жизни или же сейчас, гуляя по деревне, я встречала других, у кого были именно отцы. Правильные, как по учебнику, если такие существовали вообще когда-либо. Только вот взгляд на них не задерживался совсем, приходилось со стыдом признавать — Шисуи умел отвлекать внимание, заполнять собой пространство. Он слишком чуткий, не зря его брат позвал с собой, а уж в том, что это инициатива Итачи — я не сомневалась.

— Устала? — меня потрепали по коротким волосам, помогли устроиться на широких перилах и вручили стакан с чем-то прохладным, чтобы уже спустя мгновение чуть отодвинуться, оставляя иллюзию неприкосновенности личного пространства.

— Слишком много впечатлений, — в благодарность даже не уворачиваюсь. Впрочем, смысла нет, за всю прогулку, он уже неоднократно наводил у меня на голове шухер, да и просто пообжмякал, пока таскал. Впору вопить — извращенец! Но лень. Да и возрастом не вышла. Не говоря уже о том, что сидели мы на одной из обзорных площадок местного аналога горы Рашмор*, далеко, конечно, от края, но все равно лететь с перил вниз не слишком приятно. — А где Итачи?

— Он пошел купить мороженое, — мою попытку покрутить головой моментально пресекли, для надежности даже чуть рукой придержали. — Скоро надо будет возвращаться.

— Да, хорошо провели время, — согласно киваю, делая глоток и с удивлением понимаю, что это зеленый чай с каким-то кисленьким фруктом. Холодненький, но в меру, сахара там и вовсе нет, самое то в разгар лета. Удивительная забота, которая подкидывает дровишки в топку не до конца помершей совести. Все же нехорошо я повела себя в его отношении, а он оказался выше этого. Сразу становится понятно, кто тут ребенок. — Знаешь, мне, наверное, стоит извиниться.

— За плохого мальчика? — слышу смешок и откидываю голову, чтобы увидеть откровенное веселье в чужих глазах. Впрочем, это отражается во всем, не только во взгляде. Жесты, расслабленная поза и даже растрепанные кудряшки говорят о хорошем настроении!

Последнее почти становится соломинкой. Да, именно той, которая ломает горб верблюду.

— Не только, — отчего-то ощущаю смущение. — Я, действительно, была неправа, — возвращаю голову в исходное положение, уделяя внимание напитку. Мне тяжело признавать свою вину, но Шисуи достоин этого. Он столько времени уделил мне и даже ни разу не напомнил о том, как я его встретила. По сути — подставила. — Извини.

— Да я не в обиде, это было забавно, — парень приваливается на перила рядом со мной, чуть откидываясь назад, позволяя без попыток свернуть себе шею, видеть его профиль. На губах парня играла едва заметная улыбка. Впрочем, спустя секунду, он уже смотрит на меня. Не злобно или требовательно, скорее с любопытством. Будто оставляет мне возможность сделать вид, что ничего не было. — Но скажешь почему и зачем?

— Я разозлилась, — вздыхаю, врать не хотелось. Почему-то я была уверена, что мои слова он Фугаку не передаст, да и Итачи не стал бы доверять кому попало. — Ни-сан практически не бывает дома, а когда появляется, мне не хватает духу требовать от него что-то. Скорее утянуть на футон и подоткнуть одеяльце.

— Странно такое слышать, — чужая улыбка несколько не изменилась, только взгляд стал серьезнее.

— Эта прогулка нужна была нам обоим, — улыбаюсь тоскливо, даже не пытаюсь натянуть маску ребенка, которая не трещала по швам только рядом с братом. Впрочем, с остальными я тоже не слишком пыталась ее надевать, просто была спокойнее и серьезнее сверстников, а тут... сдержат откровения не получается, слишком долго зрели внутри. Ну, не на брата же их вываливать? Ему и без этого проблем достаточно. — Дом душит нас обоих. Ни-сана задавили «должен» и «обязан», а я готова на стену лезть, когда ка-сан украдкой смотря на меня, видит Наруто, а после виновато отводит глаза, думая, что я не вижу или не понимаю значения ее взглядов, разочарованных вздохов и банально уже не помню его. На этом фоне то, что для то-сана я почти невидимка, смотрится благом, — вздыхаю, чуть дергая волосы. Клянусь, если бы я увидела сочувствие или снисходительность в чужом взгляде, я бы замолчала, но... он смотрит так, будто понимает. Будто на него тоже смотрят и не видят его. Такой взгляд не подделать, похоже, у этого улыбчивого мальчика, скелетов зарыто куда больше, чем у меня. — Знаешь, это жутко, когда в один прекрасный момент начинаешь понимать, что кроме одного человека,

никто, совершенно, не видит в тебе именно Саске. Не вешает ярлыки. У меня это только Итачи, но надолго ли?

Да, я боюсь. Боюсь однажды проснуться и понять, что брат тоже навесил на меня ярлык и видит не меня, а кого-то другого. Смотрит и примеряет образ, который даже близко не является мной, а у меня нет выбора. Я не могу потерять Итачи, если он тоже перестанет видеть меня, я буду кусать губы до крови, медленно подышать, рвать жилы, чтобы соответствовать. Чтобы пытаться быть в его глазах такой, какой именно он хочет меня видеть. И тем ужаснее осознавать, что поведение родителей, его давление на него, провоцирует такой итог, ведь брат не хочет, чтобы я мучилась, как он. Итачи жилы рвать будет, но постарается оградить меня, не понимая, что так будет только хуже.

Я уже не могу отказаться от тепла, что он мне дарит и, если ради этого придется играть ребенка, я сделаю это. Я буду ребенком, беззаботным и глуповатым в его глазах.

— Ну, не может же быть все настолько плохо? — мягко, успокаивающе, звучит в ответ. Нет, он не опровергает меня, это осознается четко, просто неуклюже пытается подбодрить и сам не верит в свои слова.

Шисуи пытается дать мне возможность выговориться, снять со своих плеч часть груза. И я ему благодарна, пусть мне и не присуще быть настолько откровенной, да и я не пытаюсь, на самом-то деле, но мне, действительно, становится легче. Не зря говорят, что сформулировать задачу — половина решения. Жаль, что в моем случае все разбивается о мой возраст. Мой и Итачи. К тому моменту, когда я смогу на что-то влиять, делать это будет почти поздно. Именно поэтому я говорю, делюсь наболевшим, мне нужен кто-то, кто сможет действовать сейчас.

— Возможно, — согласно киваю, смотря ему прямо в глаза. — Знаешь, Шисуи-сан, я тебе даже благодарна.

— Мне? — вот сейчас изумление совершенно неподдельное.

— После общения с тобой он оживает, — болезненно улыбаюсь. — Я рада, что у него появился хоть кто-то... — запинаясь, не в силах подобрать нужного слова. Все кажутся, какими-то безликими, не несущими в себе нужной смысловой нагрузки, а в следующую секунду я, каким-то образом ощущаю, что Итачи уже близко. Не только я, ведь взгляд Шисуи неуловимо меняется, пропадает серьезность, передо мной вновь стоит веселый раздолбай. Еще один человек, который так любит носить маски. Только ради кого ее надел он?

— Кто научит плохому, да? — ответом мне служит хмыканье, а после меня в очередной раз потрепали по волосам.

— В точку! — ухмыляюсь, по глазам понимая, что меня поняли правильно. Ни он, ни я, не жаждем продолжать разговор при Итачи. Наш молчаливый уговор, тайна, если ее можно так назвать.

— Пф! Я смотрю у меня за спиной плетут заговор, да? — голос брата звучит насмешливо, но неожиданностью не становится. Меня не слишком-то интересует, как я смогла понять, что он приближается, но я рада, если брат не слышал наш разговор.

— На меня наговаривают, ни-сан! — моментально разворачиваюсь, только после понимая, что на перилах это делать немного опасно. Впрочем, меня как-то слишком привычно страшит Шисуи, не давая не только сверзиться вниз, но и расплескать остатки чайка. — Я плохому в открытую прощу учить!

— Ну-ну, — радостно жмурюсь, когда меня в очередной раз лохматят, но брату я прощу и большее. — Держи.

Прямо передо мной появляется странное мороженное на двух палочках. Впрочем, спустя мгновение он его разламывает, протягивая ту часть, которая побольше. Радостно жмурюсь,

охотно принимая лакомство и тут же отгрызая небольшой кусочек. Вкусно. В этой жизни я пробую его впервые и мне даже плевать, что это фруктовый лед, который я никогда не любила, а не полноценное мороженое. Краем глаза ловлю теплую улыбку брата, он тоже расслаблен и не менее охотно начинает поедать оставленную себе половинку.

Как же хорошо...

— А мне?! — горестный взглас Шисуи чуть портит идиллию, но он уже не раздражает. Скорее я вижу в нем если не друга, то помощника.

— В твоём возрасте вредно есть сладкое, зубы выпадут, — едва не давлюсь мороженым, когда слышу ответ брата. Прямо гордость распирает. Не у одной меня оказывается ревность вызвать может. Ничем иным, я подобное объяснить не могу, но мне совсем-совсем не стыдно, что я за время прогулки (и даже сейчас!) слишком близко жмусь к Шисуи. Он меня вообще боится от падения с перил. Вот!

— Итаци, неужели в тебе проснулись семейная ехидность и мерзость характера? — жуткое горе в голосе, но отчего-то я ему не верю. — А был таким милым парнем.

— Ну, не мог же я после общения с плохим мальчиком остаться прежним? — контролировать себя становится тяжелее, когда я вижу, как брат с невозмутимым видом вздергивает бровь. С интересом перевожу взгляд на Шисуи, ожидая его реакцию и она не заставляет себя ждать.

— Так значит это я во всем виноват, — обреченный вздох и Шисуи сникает, картинно опустив голову. Причем, все выглядит настолько естественно, что я даже начинаю сомневаться в своих первоначальных выводах.

— Не расстраивайся, — осторожно тыкаю его локтем и протягиваю свое надкусанное мороженное. — Хочешь попробовать?

— Уверена? — мои действия вызывают удивление, причем, у обеих парней, но первый отмирает все же Шисуи. Сразу видно, что старше и опытнее, да и взгляд это выдает. Он будто напрягся на мгновение, но стоило мне кивнуть, не отводя взгляда, как широко улыбнулся и расслабился.

Мне нечего скрывать и мои действия не имеют второго дна. Если честно, я за всю прогулку уже много чего напробовалась и мороженное могло просто не поместиться, но брата обижать не хотелось. Если бы не ситуация, я бы его съела, как та плачущая мышка кактус. Только вот даже я не ожидала, что Шисуи одним укусом умудрится схрумкать почти целую половинку мороженого. Как только зубы не свело?

— Вкуснятина! — судя по тому, как в чужих глазах запрыгали черти, вид у меня с палочкой в руках был презабавнейший.

— Это был коварный план лишить меня возможности заляпать твои волосы, пока ты меня на плечах тащишь домой? — с потерей смиряюсь быстро, решив, что пока есть возможность, надо брать от жизни максимум. Ответом мне служит хохот. Отчего-то возникает ощущение, что я прошла какую-то проверку.

— Нет, это был коварный план, не дать совершиться твоему коварному плану, — все еще похихикивая, прозвучал ответ.

— Понятно, — важно киваю и вскидываю руку. — Мне есть к чему стремиться, больше твои коварные планы по перехвату моих коварных планов не пройдут!

— Договорились! — он с довольным видом, улыбкой, настоящей, не просто веселой или лукавой, а идущей именно от души, протягивает мне раскрытую ладонь, о которую я без всякого сомнения бью своей ладошкой. Закатившего глаза Итачи мы по молчаливому согласию обеих сторон просто игнорируем. Ну, не долго, конечно, я вообще брата долго игнорировать не могу. Тем более, нам уже пора домой, а значит... значит опять рутина, скука, мозгодробильные занятия по этикету. Учитывая мое поведение утром... скоро, совсем скоро, меня нагонят последствия моих действий. Только даже это не может испортить мое настроение. Шисуи... будто снял часть груза с моих плеч.

Продолжение следует...

Примечания:

* - Рáшмор — гора в горном массиве Блэк-Хилс, юго-западнее города Кистон в Южной Дакоте, США. Известна тем, что в её гранитной горной породе высечен барельеф высотой 18,6 метра, содержащий скульптурные портреты четырёх президентов США: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна.

<http://tl.rulate.ru/book/71427/1913428>